

УДК 93/94

А.В. Забровский

Воронежский государственный университет,

г. Воронеж, Россия

E-mail: andrei-zabrovski@mail.ru

КРЕСТЬЯНСКИЕ НАЛОГИ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЮДЖЕТ РОССИИ ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ И ЖУРНАЛА "ВПЕРЕД!" (1873-1877)

**[Zabrovsky A.V. Peasant taxes and the state budget of Russia on materials of
the newspaper and magazine «Vpered!» (1873-1877)]**

It is analyzed narodnikis' views on taxes from the peasants and their place in the national budget in the second half of XIX century. Narodniki noted the leading role of the state in determining the allotment farmers magnitude tribute and redemption in the budget. Post, the purchase of land, Zemsky payments, expensive rent often exceeded the yield of land peasants worsened their financial situation in the post-reform decade. The article highlights the role of a community that periodic redistributions leveled plots and land fee. P.L. Lavrov was in favor of tax reform, the reduction and abolition of redemption payments. Study of fiscal policy and budget tsarist allowed narodniki go deeper into the post-reform situation of the peasantry. They saw that the tax policy was determined by the economic situation of farmers. However, as it is argued in the magazine taxable policy in the interests of the tsarist, rather than the interests and capabilities of the peasant economy took place.

Key words: redemption payments, tax, fiscal policy, the peasantry, the community, property, farm.

Оценки П.Л. Лавровым и его корреспондентами роли и места крестьянских налогов в формировании бюджета России не получили достаточного освещения. Большинство исследователей полагало, что Лавров не изучал экономическое положение народа. По мнению некоторых историков, он не замечал влияния капитализма на доходность крестьянских хозяйств и на фискальную политику России [4], а авторы «Очерков по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР» утверждали, что народники не видели развивающегося в стране капитализма [17]. На взгляд Г.Д. Чеснокова, народники не заметили вступление страны на капиталистический путь развития и, отстаивая теорию крестьянского социализма, видели в крестьянской общине зародыш социализма в пореформенной России [22].

То же говорил о народничестве и Ш.М. Левин. Этот авторитетный исследователь отмечал, что народники преуменьшали уровень капиталистического развития России, признавали его упадком и даже регрессом [15]. В позднейших работах такие оценки подверглись определенной коррекции. Т.М. Кириченко верно указала, что издания «Вперед!» «уделяли много внимания социально-экономическим явлениям России» [3, с. 25]. В принципе с ней солидарен В.Я. Баркалов, отметивший, что Лавров «отводил решающую роль экономическому фактору в жизни общества и в этом приблизился к историческому материализму» [1, с. 99].

В.Ф. Антонов, И.С. Вахрушев, Т.М. Кириченко, М.Д. Карпачев и другие исследователи отмечали, что освещение проблем крестьянства в пореформенной России занимало ведущее место в публикациях народнических теоретиков и публицистов.

Разноречивые суждения о понимании Лавровым экономического развития России и роли народа в пореформенном процессе требуют подробного изучения материалов «Вперед!» и творческого наследия Лаврова. Существенное значение в публицистике народников, в частности, имели их оценки крестьянских налогов как источника формирования государственного бюджета. Корреспонденты и сотрудники «Вперед!»

Н.Г. Кулябко-Корецкий, Н.К. Судзиловский, В.Н. Черкезов, П.Н. Ткачев и неустановленные авторы ряда материалов, описывая развитие капитализма в промышленности, финансах, сельском хозяйстве страны неоднократно обращались к правительственной налоговой политике. Они выясняли виды и размеры платежей крестьян, их место в доходной части бюджета страны и соразмерность доходам крестьянских хозяйств, описывали источники формирования бюджета и направленность расходов. Особое внимание обращалось на порядок и правила определения податей, налогов и повинностей крестьян, методы сбора налогов, при этом взгляды корреспондентов на проблемы не были одинаковы, отличались в трактовке освещаемого вопроса.

П.Л. Лавров экономическое положение крестьян определял многими факторами, в том числе и фискальной политикой государства, которую считал особой темой. Он видел взаимосвязь и соподчиненность между налоговой и бюджетной политикой страны, их важность для крестьянства: «Влияние государственного хозяйства громадно: податному люду нашему приходится выно-

свить на своих плечах пятисотмиллионный бюджет и весьма понятно, что это ему не под силу, что он то там, то сям надрывается» [7, с. 58]. Подушная подать, заменившая еще в 1724 г. подворное обложение, являлась основным прямым налогом для мужчин податных сословий независимо от возраста. В 1862 г. взимание податей было передано мировым посредникам, податной надзор с 1874 г. осуществляла уездная полиция, а исправники руководили всей работой на местах. Лавров, цитируя корреспондента «Вперед!», так описывает положение крестьян и чиновников на местах: «Мы знаем, что крестьянин и мещанин причисляются в России к податным сословиям,... Исправники и мировые посредники заменили для них их бывших помещиков, которым как-то случайно не удалось сохранить за собою право вотчинной полиции» [8, с. 35].

Используя показания помещика Л.Б. Тургенева, представленные комиссии, исследовавшей в 1872 г. положение сельского хозяйства в Самарской губернии, Лавров описал виды и размер денежных платежей крестьян, их соотношение с наделом и доходностью крестьянских хозяйств. Отметив, что «налоги велики», помещик перечислил, что выносит крестьянская земля: «подать на душу рублей 5, а в последнее время рублей 10 с надела, выкупных 7 р., волостные расходы – 1 р., священнику – 1 р., на общественное управление копеек 30-50, итого приходится на надел от 20 до 24 р., что для Ставропольского уезда составляет 6 р. на десятину... Положим, крестьянин получит 15 р. с десятины при собственной обработке, но ведь ему еще нужно прокормиться и одеться. Неурожай окончательно подкашивает крестьянина». Лавров привел и средние цифры платежей с надела по Самарской губернии по материалам упомянутой сельскохозяйственной комиссии, опубликованным в «Московских Ведомостях»: «денежные повинности крестьян в некоторых случаях доходят до 6 р. 40 коп. с десятины, что крестьяне, получившие в дар $\frac{1}{4}$ надела, платят в 10 раз больше, чем менониты. Средним числом, по данным этого исследования, приходится денежных платежей с десятины: у менонитов – 23 к., колонистов – 74 к., крестьян барщинных – 83 к., государственных – 87 к., собственников – 2 р. 23 к., получивших $\frac{1}{4}$ надела – 2 р. 32 к., оброчных – 2 р. 83 к.» [10, с. 39].

Несколько иные данные привел Лавров в сводной таблице по 6 губерниям, составленной им же по цифрам «умеренного и осторожного» источника, где показана плата с десятины, сумма повинностей на душу и размер недоимок, лежащих на населении к 1 января 1872 г.

Сводная таблица по 6 губерниям

Название губерний	Плата с десятины	Повинности на душу	Сумма недоимок
Волынская	2 руб. ... коп.	4 руб. 78 коп.	ок. 750000 р.
Гродненская	0 руб. 60 коп.	4 руб. 30 коп.	ок. 300000 р.
Минская	0 руб. 74 коп.	3 руб. 66 коп.	более 300000 р.
Новгородская	1 руб. 43 коп.	5 руб. 90 коп.	более 3030572 р.
Петербургская	0 руб. 94 коп.	9 руб. 77 коп.	ок. 471000 р.
Псковская	0 руб. 75 коп.	5 руб. 26 коп.	ок. 300000 р.

Журнал «Вперед» поясняет: «Не должно забывать – 1/6 часть пространств этих губерний занята неудобными землями. Денежные повинности с земли для некоторых плательщиков по отношению к нормальному доходу составляют от 160 до 210 %». Для 3 – х губерний Полесья автор, по словам Лаврова, считает данные «едва ли не ниже действительности, так как там крестьяне, не выручая от земледелия средств не только для уплаты налогов, но и для своего прокормления, не имеют на местах достаточных способов и к другим заработкам» [10, с. 42].

Иной выглядела раскладка платежей и доходность крестьянских хозяйств по губерниям и стране в целом, что отражало «общее состояние русского народа под невероятным давлением податей. Ссылаясь на «сведения» из ведомостей Главного выкупного учреждения и из Трудов комиссии о земских сметах и раскладках, Лавров писал: «Крестьян на подушной подати около 18 ½ млн. Средним числом эта подать составит 2 р. 50 к. на душу. К этой подати присоединяются выкупные и оброчные платежи. На выкуп переведено 4185000 душ, с которых причитается 26626000 р. выкупных платежей, что составит по 6 р. 35 коп. с души». Лавров не знал о величине оброка на «душу в тех местностях, где крестьяне не переведены на выкуп», но полагал, «что вообще оброки выше выкупных платежей на 20 %. Средняя цифра выкупных платежей по внутренним губерниям составляет до 1 р. 89 к. за десятину». В Новгородской губернии средний выкупной платеж составляет 1 р. 26 к. на десятину, в Псковской – 1 р. 32 к., в Смоленской – 1 р. 61 к., в Тверской – 1 р. 72 к., в Рязанской – 2 р. 34 к., в Тульской – 2 р. 47 к. К тому же качество земли, считал он, не соответствовало цене выкупных платежей, поскольку наделение крестьян землей происходило за счет не лучших ее участков, что сказывалось на доходности и платежеспособности крестьянских хозяйств. Он отмечал: «...

даже в Херсонской губернии, по личному исследованию начальника ее, доход с крестьянской земли, объединяющей 3 надела, составляет 133 р. 80 к., а расход на прокормление и одежду 141 р. 30 к. Ясно, что доходов от наделов в Херсонской губ. недостаточно на удовлетворение первых потребностей. За эту землю приходится 21 р. 60 к. выкупных платежей, кроме всех других повинностей. Средства для этого добываются на стороне.» [10, с. 41].

Народников-пропагандистов интересовали точные цифры вклада крестьян в ежегодный сбор налогов. Лавров называл, сославшись на официальный источник, общий размер собранных налогов по отдельным губерниям. Согласно «Указателя правительственных распоряжений по Министерству финансов» № 18, правительство, пишет он, «вымучило у самарцев за 1873 г. 206.797 р. выкупных платежей и 2.477.218 р. оброчных и подушных, итого 2.683.015 р., т.е. на 306.650 р. более, чем выдано самарцам и безвозвратных пособий и правительственных ссуд вместе» [11, с. 29]. Государственный бюджет, взыскиваемый «почти исключительно с податных, непривилегированных бедных классов» в 1873 г. «официально достиг... 495 миллионов». Лавров уточнил, что сумма платежей, поступающих от удельных крестьян, от фабрик и заводов и других учреждений, причисленных к Собственной Его Величества канцелярии, неизвестна для «непосвященных», в бюджете 1873 г. идет «исключительно на государственные потребности и составляет миллионов 25 или 30» [7, с. 58].

Лавров отметил нерациональное расходование и факты воровства казенных средств в министерствах и ведомствах, образно представив назначение налогов и податей, собранных с народа. Русскому правительству, писал он, «нужны обширные денежные средства для личных наслаждений императорского семейства, для оплаты многочисленного придворного лакейства, военных палачей, административных агентов его распоряжений; единственный источник его денежных средств – в народе, – и оно разоряет этот народ... с помощью тех самых орудий власти, которые поддержаны средствами народа» [9, с. 85]. В то же время государство, не раз отмечал Лавров, мало или ничего не предоставляло крестьянству из бюджета. В статье «Диагноз и рецепты общественных медиков» приводится мнение автора передовиц «Голоса» (№№ 280, 281, 284 за 1875 г.), с которым согласился «Гражданин» кн. В.П. Мещерского, что «на недостаточных классах» населения лежит 76 % всех налогов, собираемых в стране, и что за эти платежи, которые берутся у

крестьянина из «необходимого для поддержания семьи», он не получает ни «медицинской помощи», ни сносных «путей сообщения», ни «школ», словом, – ничего... зато имеет от... правительства кабак, доход с которого составляет «значительную часть государственного бюджета» ... и невыносимую «систему податей» [12, с. 643].

Естественно, что как революционер-народник, Лавров критически относился к фискальной политике правительства. Соглашаясь с общественным мнением о несоразмерности налогов и податей с доходностью земли, он подчеркивал, что правительство не принимало мер к облегчению податной политики для крестьян. Даже, когда уже с весны 1873 г. было известно о неминуемости голода в Самаре, оно до 26 октября скрывало это от общества и «собирало с голодающего населения недоимки в августе ... октябре, ... когда по всей России собирали милостыню для голодающих», – писал Лавров. И только в конце декабря 1873 г. в условиях нарастающего голода правительство решило сообщением «Правительственного Вестника» от 24 декабря 1873 г. отсрочить «взыскание податей и недоимок» лишь по Самарской губернии [10, с. 47].

Не облегчили положение крестьян, сообщает Лавров, и назначенные правительством в мае 1872 г. под председательством П.А. Валуева комиссии «для пересмотра податей и сборов» и для «исследования нынешнего положения сельского хозяйства и сельской производительности в России». Состав сельскохозяйственной комиссии, представленной 10 высшими чиновниками от 4-х министерств, отмечался им особо уважительно, а направленные в нее сведения «о сельском хозяйстве по нескольким губерниям» России оценивались как вполне достоверные. Они включали «заявления и показания из 958 разных источников», в том числе – от 94 волостных правлений и старшин, 83 председателей и членов земских управ, 27 губернских по крестьянским делам присутствий и мировых посредников, 51 управляющих частными имениями, 25 арендаторов имений, 43 сельскохозяйственных обществ, 47 крестьян-домохозяев [11, с. 52-53]. Изучив огромный «Доклад ...» и внушительные Приложения к нему, составленные из опросов и отзывов членов комиссии и приглашенных лиц, Лавров выделил обсуждаемые вопросы, содержание дискуссий и ее выводы о земле, податях и налогах. Доклад «интересен сам по себе, но особенно интересны Приложения к нему» – писал Лавров [11, с. 54].

Материалы комиссий Лавров использовал не только для выяснения вопроса о платежах крестьян, но и для усиления пропагандистского характера взглядов «Вперед!» на положение крестьянства. «Представители крупного поземельного владения не могли скрыть, что бедствия народа зависели в наибольшей своей доли ... от податей, наложенных правительством на народ и превосходящих его платежные силы...», – утверждал он [11, с. 51]. Об острых проблемах в сельском хозяйстве, «о чрезвычайной тяжести налогов для крестьян, об увеличении тяжести самым способом сбора, и о том, что крестьяне не выходят из долгов» говорили перед комиссией экономист и близкий к славянофилам земский деятель кн. А.И. Васильчиков, шеф корпуса жандармов гр. П.А. Шувалов, идеолог славянофилов И.С. Аксаков, участник освободительного движения 1860-х гг. В.О. Лугинин и известный общественный деятель гр. В.П. Орлов-Давыдов.

«Так Шувалов, – цитирует Лавров шефа жандармов, – приписывает экономические страдания России нашей податной системе со всеми ее стеснительными последствиями... Я полагаю, – говорил он, – что в настоящее время перед податным вопросом все остальные являются ничтожными... налоги превышают доходность земли, так что невозможно даже признать их поземельными, а лишь, замаскированными личными налогами... Цифру платежей с душевого надела вообще по всей России можно принять 12-14 р. ... Разрешение податного вопроса в смысле полного освобождения рабочего труда» он считал «мерой» «поднятия уровня сельского хозяйства» [11, с. 55-56].

Не были единодушны в оценке налогов и повинностей крестьян, отмечает Лавров, и некоторые другие опрошенные комиссией по сельскому хозяйству авторитетные лица. П.А. Кочубей, председатель русского технического общества, «бывший профессор химии в 50-х гг.», «из всех наших ученых единственный человек», кто осмелился указать на налоги, как «на один» из страшных источников «истощения народа», хотя и «... поверхностно посмотрел на положение русского крестьянства». У нас, считал он, «... налоги на крестьян вообще слишком значительны, если принять во внимание, что одновременно крестьяне выкупают свой надел» [11, с. 65]. Близки Лаврову были и подобные взгляды Президента Вольного Экономического Общества генерал-адъютанта светлейшего кн. А.А. Суворова, который перед комиссией высказался за пересмотр податной и налоговой политики [11, с. 67].

Конечно, едва ли лучше специалистов Лавров знал реальное финансовое положение крестьянства. Для него, как для демократа-народника, всегда был прав тот, кто открыто сочувствовал “страданиям” народа, подлинным или мнимым. В отличие от членов комиссии, он настаивал на податной реформе, поскольку был уверен, что платежи не соответствовали возможностям крестьянских хозяйств и после отмены крепостного права произошло удорожание аренды, возросла интенсивность труда и снизились заработки на стороне. А выкуп надела, земские налоги и прочие повинности непременно обременяли крестьянские хозяйства. В этом его убеждали материалы с мест, письма с Родины, легальная пресса, данные различных комиссий. «Податная реформа – цитировал Лавров «Московские Ведомости» – и пересмотр законов о недоимках становится, очевидно, потребностью неотлагательной. Список местностей, где подати становятся почти не под силу, постоянно возрастает. К Холмскому уезду Псковской губ., к Мглинскому и Суражскому Черниговской, прибавляются теперь некоторые уезды Самарской» [10, с. 40]. Правительство же, писал Лавров, не считалось с мнением высоких должностных лиц и общества о трудном материальном положении крестьян и не принимало мер к облегчению его налогового бремени. Для крестьянина, «задавленного налогами», уменьшение с начала 1875 года «каждого душевого надела на несколько копеек», одновременно со скидкой для господствующих классов, когда «именно была» «уменьшена и общесословная поземельная подать», оказалось «... совершенно фиктивным облегчением» [13, с. 7-8].

Лавров обратил внимание на возрастание фискальных функций государства в русском пореформенном обществе. Он отмечал, что правительство ежегодно увеличивало бюджет и его расходы, накапливало государственный долг, усиливало экономический гнет на податные сословия. От этого страдали прежде всего крестьянство и нарождающийся пролетариат. В работе «Государственный элемент в будущем обществе» Лавров доказывал, что «всякое государство, вовлеченное в процесс развития буржуазного общественного строя, неизбежно становится само общественным эксплуататором» [14, с. 37]. Ярким примером этого Лавров считал «накопление государственных долгов в форме бумаг» и «отражение этих коммерческих обязательств государства на податях и на всей системе государственного хозяйства» [13, с. 1]. Лавров привел негативную динамику государственных долгов к 1875 г. и на-

помнил о том, что грозит современному обществу в этой сфере со стороны естественных «охранителей порядка и общественной безопасности». В России, писал он, государственный долг стал виден с конца XVIII в., когда в 1768 г. был основан ассигнационный банк и после выпуска ассигнаций на 100 млн. руб. курс ассигнаций стал «быстро падать». В период революционных и наполеоновских войн внешний и внутренний долг России составил уже около 150 млн. руб. и резко вырос в 70-е годы. К январю 1872 г. он превосходил 1.840 млн. руб. серебром, а к 1 января 1875 г. достиг почти 2.340 млн., т.е. «возрос в 3 года более чем на 27 %». С этим был связан неизбежный рост налогов «на русский народ» [13, с. 2, 4]. Согласно государственной росписи на 1876 г., опубликованной в правительственной газете «Санкт-Петербургские ведомости» (1875, № 343), прямые и косвенные налоги составят «более 431 млн. руб. серебром, что означает их рост для народа сравнительно с 1869 г. более чем на 35 %, а с 1873 г. более чем на 10 %». Горькое последствие этих налогов для русского народа Лавров видит в страшных цифрах «недоимок», составивших по трем рубрикам: подушных, оброчных и выкупных платежей к 1 января 1875 г. – 33.689.000 руб., причем подушная недоимка составляет «около 1/5 всего годового оклада, оброчная – более четверти, а по выкупным платежам – 3/8 годового оклада». С доверительной ссылкой на умеренно-либеральную газету Лавров приводит пример по Могилевской, Новгородской, Самарской и Смоленской губерниям, где «недоимки и по окладным сборам и по выкупным платежам почти достигают годовых окладов или даже превосходят их» [13, с. 7].

Прогнозы Лаврова относительно будущей налоговой политики государства и положения крестьян неутешительны. Растет государственный аппарат, увеличивается армия, субсидируются промышленники, активизируется внешняя политика России, предстоят новые расходы, следовательно, рост государственного долга и желание правительства покрыть его за счет новых налогов на производительные классы страны. Для «империи, – писал Лавров, – мы имеем перед собой растущий и весьма быстро растущий долг, которого приходилось в 1875 г. на каждого жителя, /считая население в 88 млн. чел./ по 26 р. 60 к., процентов же и погашения – по 1 р. 21 с полов. коп. Следствием этого растущего долга... оказываются все растущие налоги,... безнадежные недоимки, которые... правительство не решается сложить, а народ не в

состоянии выплатить» [13, с. 8, 14]. В достоверности этих данных он не сомневался, стремился лишней раз указать на антинародный характер финансовой политики самодержавия и заявить о продолжающемся ухудшении материального положения крестьянства.

Примерно таких же позиций придерживались многочисленные корреспонденты «Вперед». В статье «Плоды реформ», написанной на основе экономических цифр и выкладок эпохи Александра II, Н.Г. Кулябко-Корецкий отметил платежи крестьян, их общую сумму и место в госбюджете страны различных лет. «Косвенные подати, – писал он, – ложатся на предметы потребления массы бедняков, увеличивая ценность этих предметов в 5, 10 и даже 30 раз. При этом тяжесть подати и степень возвышения ценности продукта возрастают по необходимости вместе с настоятельностью потребления, удовлетворяемой этим продуктом» [6, с. 15]. В отличие от Лаврова, Кулябко-Корецкий, рассуждая об искусственности капитализма, отмечал слабость русской буржуазии и не видел влияния новых хозяйственных связей на фискальную политику государства. Он считал, что «капитализм не прививался на нашей почве так же быстро, как этого добивались руководящие классы» [5, с. 602]. На его взгляд, «фабричная промышленность развивалась медленно и небезболезненно, а сельское хозяйство не только не двигалось вперед, а как будто бы даже шло назад» [6, с. 92]. Кулябко-Корецкий критически отнесся к фискальной и бюджетной политике правительства и месту в ней крестьянского налога. «Система, – писал он, – на которой основано взимание госдоходов в России, самая нерациональная, отсталая – это правда... Ни в одном «цивилизованном» государстве не видим мы ничего подобного. Вся тяжесть государственных повинностей почти всецело ложится на беднейшие классы населения и при том в форме... задерживающей развитие промышленности» [6, с. 14-15]. Он утверждал, что крестьянство, обложенное чрезмерно сравнительно с другими группами населения, вносило в доход бюджета значительную его долю и старался, «разбирая бюджет русского государства», «только указать на то, что конечный результат всякого налога будет – непосредственная эксплуатация сил рабочего населения государством» [6, с. 18]. Это был вывод, вполне естественный для народника-интеллигента.

Н.К. Судзиловский не стал уточнять насколько тяжелы и как неравномерно распределяются налоги между достаточными классами и народом. Незна-

комых с вопросом он отослал к «Вестнику Европы» за март 1874 г., к работам русского публициста и общественного деятеля И.А. Аксакова и к мнению Л.Б. Тургенева, опубликованному в «Трудах комиссии по исследованию сельского хозяйства». В них, считал Судзиловский, читатель может узнать, что «налоги тяжелы, что всею своею тяжестью они ложатся на крестьян, что прогрессивность налога не прямая, а обратная. Это – общие правила для всей России, правила без исключений» [18, с. 174].

П.Н. Ткачев, касаясь фискальной политики государства, указывал на гибельность для крестьянства существующей налоговой системы и ее роль в росте революционных брожений в народе. Русское правительство «воображает, – писал он, – что крестьянская мощь неистощима, – и с каждым годом все глубже и глубже запускает в нее свою хищническую руку, – но с каждым годом ... добыча становится все меньше и меньше – недоимки растут. [19, с. 97]. Будучи крайним радикалом, он призывал народников воспользоваться тяжелым положением народа в пропаганде революционных взглядов в крестьянстве.

В.Н. Черкезов писал о размере и значении налогов для крестьян и экономики страны. Общая картина с выполнением обязательств крестьянами представлялась автору обзоров далеко не радужной, поскольку государство не считалось с состоянием их хозяйств и настаивало на уплате податей в сроки в полном объеме. Трудно было найти крестьянина, считал Черкезов, своевременно платившего подати, налоги и выкупные и не имевшего по ним долгов [21, с. 643]. Вместе с тем, в журнале отмечалась значимость одноразовой правительственной помощи в возрождении крестьянских хозяйств, порушенных голодом, и Черкезов на примере ее оказания крестьянам Поволжья с восторгом отзывался о ее результативности: «Правительство подождало всего лишь год со взиманием податей, а земство «с грехом пополам» выдало крестьянам в долг семена. Благодаря этому, крестьяне справились с хозяйственными трудностями. Ежели в один бесподатный год, да еще вслед за голодом наш крестьянин достигает таких громадных и блестящих результатов, то, что же будет, когда настанет желанная пора торжества свободного труда в свободной общине?» [20, с. 546]. В этих словах он нашел лишний повод заявить о народническом идеале освобожденного крестьянского труда.

Народники положительно отнеслись к различным формам правительственной помощи крестьянам, но выход из положения все же видели в сни-

жении налогов, отсрочке платежей и передаче всей земли крестьянству. «Вперед!» признал подати и налоги неоправданно высокими, не соответствующими доходности и возможностям крестьянских хозяйств, а способы их взыскания – жесткими, даже жестокими.

Н.Ф. Даниельсон (1844 – 1918), русский экономист, современник Лаврова, основываясь на статистических данных начала 70-х гг., представил так отношение всех налогов к общей сумме доходов помещиков и крестьян: «Для помещиков от 1½ до 20 %; для крестьян /государственных/ – от 60 до 160 %; для крестьян /бывших помещичьих/ – от 70 до 562 %» [16, с. 309]. Примерно также считал и народнический экономист, социолог и публицист В.П. Воронцов /1847 – 1918/. «Платежи, лежащие на крестьянах, заявлял он – превышают доход их наделов на 50 – 300 %» [2, с. 114].

Совпадение выводов Лаврова, Даниельсона и Воронцова свидетельствует о популярности в ту эпоху народнических воззрений, в которых положение рабочих и крестьян всегда рисовалось в самых мрачных красках и показывалось недовольство крестьян реформой 1861 года. Изучение фискальной политики царизма и бюджета страны позволило народникам глубже разобраться в положении пореформенного крестьянства. Они видели, что не только надел и труд, но и налоговая политика определяли экономическое положение крестьян. Однако, как утверждал журнал, податная политика, исходила из интересов царизма, а не из интересов и возможностей крестьянского хозяйства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баркалов В.Я. Философско-социологические взгляды П.Л. Лаврова. Свердловск, 1974.
2. Воронцов В.П. Очерки крестьянского хозяйства. СПб., 1911.
3. Кириченко Т.М. Из истории русской революционной народнической печати. М., 1971.
4. Книжник-Ветров И.С., Окулов А.Ф. Ветеран революционной теории / П.Л. Лавров. Философия и социология. М., 1965. Т. I.
5. Кулябко-Корецкий Н.Г. Из Орла. Письмо третье / П.Л. Лавров // Вперед! 1876. № 42.

6. *Кулябко-Корецкий Н.Г.* Плоды реформ / П.Л. Лавров // Вперед! 1877. Т. V.
7. *Лавров П.Л.* Мученичество русского народа // Вперед! 1873. Т. I, отд. 2.
8. *Лавров П.Л.* Наши администраторы и наше самоуправление // Вперед! 1873. Т. I, отд. 2.
9. *Лавров П.Л.* Заключение // Вперед! 1873. Т. I, отд. 2.
10. *Лавров П.Л.* I. Голод! Голод! Голод! // Вперед! 1874. Т. II, отд. 2.
11. *Лавров П.Л.* I. Еще о голоде // Вперед! 1874. Т. III, отд. 2.
12. *Лавров П.Л.* Диагноз и рецепты общественных медиков // Вперед! 1875. № 21.
13. *Лавров П.Л.* Всемирное банкротство // Вперед! 1876. № 25.
14. *Лавров П.Л.* Государственный элемент в будущем обществе // Вперед! 1876. Т. IV.
15. *Левин Ш.М.* Общественное движение 70-х годов и второй демократический подъем // История СССР. М., 1968. Т. V.
16. *К. Маркс, Ф. Энгельс* и революционная Россия: сборник. М., 1967.
17. Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР. М., 1956.
18. *Судзиловский Н.К.* Мой отчет студентам XX-ского университета // Приложение. П.Л. Лавров // Вперед! 1875. № 6.
19. *Ткачев П.Н.* Из Великих Лук / П.Л. Лавров // Вперед! 1874. Т. II, отд. 2.
20. *Черкезов В.Н.* За две недели. IX / П.Л. Лавров // Вперед! 1876. № 40.
21. *Черкезов В.Н.* За две недели. XII / П.Л. Лавров // Вперед! 1876. № 43.
22. *Чесноков Г.Д.* Самый выдающийся марксист XX столетия. Социально-гуманитарные знания, 2009.

REFERENCES

1. *Barkalov V.Y.* Philosophical-sociological views PL Lavrov. Sverdlovsk, 1974.
2. *Vorontsov V.P.* Sketches of the peasant economy. St. Petersburg., 1911.
3. *Kirichenko T.M.* From the history of Russian revolutionary populist press. М., 1971.

4. *Winds Bookman-IS, AF Okulov* Veteran revolutionary theory / PL Lavrov. Philosophy and sociology. M., 1965. T. I.
5. *Kulyabko Koretsky-N.G.* From Eagle. Third letter / PL Lavrov // Go! 1876. № 42.
6. *Kulyabko Koretsky-N.G.* The fruits of reform / PL Lavrov // Go! 1877. T. V.
7. *Lavrov P.L.* Martyrdom of Russian folk // Go! 1873. T. I, Div. 2.
8. *Lavrov P.L.* Our administrators and our self // Go! 1873. T. I, Div. 2.
9. *Lavrov P.L.* Conclusion // Go! 1873. T. I, Div. 2.
10. *Lavrov P.L.* I. Hunger! Hunger! Hunger! // Go! 1874. T. II, Div. 2.
11. *Lavrov P.L.* I. More about hunger // Go! 1874. T. III, Div. 2.
12. *Lavrov P.L.* Diagnosis and medical prescriptions public // Go! 1875. № 21.
13. *Lavrov P.L.* World bankruptcy // Go! 1876 № 25.
14. *Lavrov P.L.* State element in the future society // Go! 1876 T. IV.
15. *Levin S.M.* Public Movement 70s and the second democratic upsurge // History of the USSR. M., 1968. T. V.
16. *Marx, Engels and Revolutionary Russia: a collection.* M., 1967.
17. *Essays on the history of philosophical and political thought of the USSR.* M., 1956.
18. *Sudzilovsky NK* My report to students of the University of XX-/ application. PL Lavrov // Go! 1875. № 6.
19. *Tkachev P.N.* Of Great Bow / PL Lavrov // Go! 1874. T. II, Div. 2.
20. *Cherkezov V.N.* For two weeks. IX / PL Lavrov // Go! 1876. № 40.
21. *Cherkezov V.N.* For two weeks. XII / PL Lavrov // Go! 1876. № 43.
22. *Chesnokov G.D.* The most outstanding Marxist XX century. Social and humanities, 2009.

19 июня 2014 г.